

Н. В. ПОНЫРКО

Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в.—ревнители благочестия

Историками русской культуры XVII в. уже давно (начиная с Субботина и Каптерева)¹ обращено внимание на то, что большинство участников так называемого кружка «ревнителей благочестия» были нижегородцами. Как известно, и Иван Неронов, и протопоп Аввакум, и патриарх Никон, и еще несколько лиц, с их кругом связанных, пришли в Москву из нижегородских пределов. Этот факт привлекает внимание исследователей, понимающих, а в здесь должна иметься, по всей вероятности, какая-то историко-культурная подоплека. Но до сих пор факт этот не был никак интерпретирован.

Все же, может быть, нам удастся дать ему интерпретацию, если обратить внимание еще на одну общую черту «ревнителей благочестия», до сих пор не замеченную: все они были людьми, связанными так или иначе с Макариевым Желтоводским монастырем. Действительно, патриарх Никон в юности, до своей женитьбы и ухода в Москву, был послушником Макариева монастыря (об этом написал его биограф Иван Шушерин²); протопоп Аввакум сам говорил о Макариевом монастыре как о месте своих благочестивых подвигов (из пустозерского заточения он напоминал своему противнику, а в прошлом — единомышленнику Илариону Рязанскому: «Недостоин суть век твой весь Макариевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарех тех стояно на молитве?!»³). Об отношении Ивана Неронова к Макариеву монастырю нигде прямо не говорится, но в его Житии рассказывается о том, что он, после того как покинул пределы Юрьевца Повольского, довольно долгое время, уже будучи иереем, жил в селе Лыскове, в дому некоего необыкновенно праведного и учительного священника Анании, поучаясь от него.⁴ Лысково же — село, ближайшее к Макариеву монастырю, стоящее меньше чем в 5 верстах от него на противоположном берегу Волги. Здесь находилось подворье Макариева Желтоводского монастыря.⁵ Надо иметь в виду эту близость при рассуждении о том,

¹ См.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования* / Под ред. Н. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 30, примеч. 1; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 118—119, примеч. 1.

² Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона патриарха Московского и всея России. М., 1871. С. 3; мы пользовались также рукописью ИРЛИ, Древлехрамилеище, кол. Перетца, № 309, сер. XVIII в. (см. л. 5).

³ Памятники истории старообрядчества XVII в. (РИБ, т. 39). Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 336 (далее: РИБ, т. 39).

⁴ См.: *Материалы для истории раскола...* Т. 1. С. 256.

⁵ См.: И. М. Духовная изустаная память строителя Макариево-Желтоводского монастыря Авраамия (1640 года 5 апреля) // *Временник ОИДР*. М., 1850. Кн. 8. Смесь, с. 48; *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б. И. Морозова*. М.; Л., 1936. Ч. 2. С. 30.

что с селом Лысковым были связаны многие будущие деятели раскола, такие как протопоп Аввакум и Иларион Рязанский, Павел Коломенский и патриарх Никон. Протопоп Аввакум напоминал из Пустозерска Илариону Рязанскому: «Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика тово, как я к тебе приезжал?»;⁶ о хождении Никона из Макариева монастыря в Лысково к «учительному» священнику Анании, без сомнения являющемуся одним и тем же лицом с Ананией, упоминающимся в Житии Ивана Неронова, говорится в жизнеописании еще одного лысковца, Илариона, архиепископа Суздальского, основателя Флорищевой пустыни.⁷ Иларион Суздальский был младшим сыном священника Анании; его жена, дочь местного попа, приходилась сестрой Павлу, епископу Коломенскому,⁸ тоже, стало быть, связанному с этим селом, а через него, возможно, и с Макариевым Желтоводским монастырем.

Что же представлял собой в это время Макариев монастырь? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сделать экскурс в историю более раннего периода. При своей жизни, с середины XIV до середины XV в., Макарий Желтоводский основал в нижегородских землях три монастыря: первый — на р. Лух (создав здесь общежительство, он покинул его «ради безмолвия»), второй — ближе к Нижнему Новгороду, на Желтых водах (этот монастырь разорили при жизни Макария татары) и третий — на реке Унже на север от Юрьевца Повольского (здесь он скончался и погребен). Как повествует Житие Макария Желтоводского и Унженского, написанное около середины XVI в. на Унже или в Солигаличе,⁹ Желтоводская обитель была разорена татарами в 1439 г. Татары сожгли строение, убили многих монахов и окрестных жителей, других же, вместе с самим Макарием, пленили, а потом отпустили, заставив при этом уйти в более северные земли.¹⁰ До XVII в. Желтоводский монастырь находился в запустении и забвении. Житие Макария говорит о нем в прошедшем времени. Но в 1620 г. — об этом повествует Сказание об обновлении Макариева Желтоводского монастыря, написанное в 40-х гг. XVII в., пока известное мне только в двух списках,¹¹ — монастырь на Желтых водах был возобновлен. Почти через 200 лет на уже заросшем лесом месте, забытом даже окрестными жителями, снова воздвигается строение, собираются иноки, создается общежительство. По Сказанию об обновлении, обновителем монастыря был строитель Авраамий, в миру Алексей, родом из Муромских мест, некоторое время затем живший в нижегородском селе Мурашкине. Из Мурашкина Алексей пересе-

⁶ РИБ. Т. 39. Стб. 336.

⁷ См. рукоп.: ГБЛ, собр. Ундольского, № 418, конец XVIII—начало XIX в. («Повесть о блаженной жизни пресвященнейшаго Илариона, митрополита Суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорищевския обители и о построении этой обители»). Л. 12 об.—13.

⁸ Там же. Л. 1—10. На Лысково как исходный пункт знакомств и связей многих из «ревнителей» — будущих деятелей раскола первым обратил внимание Н. Ф. Каптерев (см.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники... С. 119, примеч. 1).

⁹ В рукописной традиции известны две редакции Жития: краткая и пространная. Как показывает текстологический анализ, первоначальной является краткая редакция. Тематика чудес и некоторые косвенные данные позволяют датировать эту редакцию серединой XVI в. Отдельные подробности текста говорят о его либо унженском монастырском, либо галичском (в этом городе Макарий на протяжении XVI в. почитался как месточтимый святой) происхождении. Пространная редакция жития возникла после 1615 г. (см. нашу статью «Житие Макария Желтоводского и Унженского» в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 291—293). В настоящей статье мы будем ссылаться на текст краткой редакции в списке ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, нач. XVII в.

¹⁰ См. рукоп.: ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, л. 10 об.—15.

¹¹ «Сказание по сокращению о зачатии на Желтых водах обители святого и преподобнаго отца нашего Макария, игумена желтоводскаго и унженскаго чудотворца, и о разорении ея от безбожных агарянских внуков, и запустении, и поновлении по многих летех, паки на том же месте о устроении» // ГИМ, собр. Уварова, № 1197.398.105, л. 69 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 119, л. 140.

лился дальше за Нижний Новгород и в тех краях сделался иноком. В 1620 г. он, теперь уже Авраамий, побуждаемый неким «видением», пришел в Лысково, чтобы узнать о заброшенном месте жительства преподобного Макария. С большим трудом ему удалось найти старое монастырское место. Он поставил здесь келию; сюда стали приходиться другие иноки. Авраамий посетил Унженский Макариев монастырь, принес оттуда образ Макария, списанный с тамошней его чудотворной иконы, и вскоре на Желтых водах образовался новый монастырь с собором во имя Троицы и приделами к нему: один — в честь преподобного Макария, другой — в честь византийского святого Михаила Малеина.¹²

Как мы хорошо понимаем, посвящение храма тому или иному святому было на Руси не произвольным, а делалось всегда со смыслом, т. е. имело всякий раз определенные культурно-исторические причины. Что означало посвящение одного из двух приделов Михаилу Малеину в случае с монастырем на Желтых водах? Посвящение Макарию при данных обстоятельствах естественно и понятно. А Михаилу Малеину?

Тоже понятно. Надо только сопоставить следующие обстоятельства. Дата обновления Макариева Желтоводского монастыря — 1620 г. А в 1619 г. молодой царь из новой для России династии Романовых, Михаил Федорович, совершает поход на богомолье ко гробу преподобного Макария. За свое продолжительное царствование Михаил Федорович не раз совершал походы на богомолье; в подавляющем большинстве это были походы в Троице-Сергиеву лавру.¹³ Поход 1619 г. был одним из первых и самым дальним из всех, впоследствии совершавшихся царем, и направил его Михаил к Макарию Унженскому и Желтоводскому. Это, конечно, не случайно. Полагать так заставляют обстоятельства похода. 14 июня 1619 г. в Москву наконец возвратился из польского плена отец царя Филарет Никитич, и 24 июня он был посвящен здесь в патриархи Всероссийские.¹⁴ Наконец, спустя 6 лет после Смуты, соединилась и воцарилась на Руси эта двоица «великих государей» Романовых. И одним из первых крупных общественных шагов, ею предпринятых, стало богомолье к Макарию Желтоводскому и Унженскому: уже 22 августа царь с пышным синклитом отправился на богомолье.¹⁵

Патриарх остался в Москве, но инициатором похода был он. Это видно из переписки Михаила с Филаретом Никитичем, происходившей во время шестия царя на Унжу. 3 сентября, уже вслед отправившемуся царю, патриарх послал длинное письмо, в котором сообщал Михаилу Федоровичу о полученных им в это время в Москве свидетельствах о чудесах Макария, обещал прислать в догонку Житие святого, которое, как видно из контекста, до тех пор не было известно царю, и убеждал сына в том, что преподобному Макарию следует «честь воздаяти тако же», как и прочим святым. В конце письма патриарх «просил и молил» о том, чтобы Бог подал царю «желание. . . путное шествие. . . прейти».¹⁶ Несмотря на такое наставление, царь обратился из Ярославля к отцу: «А быти ль нашему походу к чудотворцу, и того, государь, в Вашей грамоте к нам не писано».¹⁷ В ответ на это патриарх в письме от 10 сентября, полученном царем в Костроме (куда он, как видно, шел с большею охотою), терпеливо, не выказывая раздражения, повторил сыну, что он уже высказался вполне опре-

¹² ГИМ, собр. Уварова, № 1197, 398.105, л. 69 об.—78 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 119, л. 140—149.

¹³ См.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. М., 1848. Т. 1. С. 9—298; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1; СПб., 1851. Т. 2.

¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 122.

¹⁵ См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 413.

¹⁶ См.: Письма русских государей. . . С. 27—28.

¹⁷ Там же. С. 29.

деленно на этот счет, и еще более категорично просил его «свой обет исполнить к преподобному чудотворцу. . . не откладывая».¹⁸ После этого никаких неясностей по этому вопросу между царем и патриархом больше уже не возникало. Царь со своей матерью, великой инокиней Марфой, 29 сентября прибыли в Унженский монастырь, целовали гроб Макария, а 1 октября убралась восвояси.¹⁹

Михаил Малейн был святым царя Михаила Федоровича.²⁰ В Унженском монастыре после царского паломничества была воздвигнута церковно-придел во имя Михаила Малейна.²¹

Так разъясняется смысл посвящения придела Михаилу Малейну и в Макариеве Желтоводском монастыре. Посвящение церковных приделов Михаилу Малейну в этих монастырях объясняется особым отношением к Макарию Желтоводскому и Унженскому со стороны царя Михаила Романова.

Но что заставило Михаила Романова обратиться к Макарию Унженскому и почему именно в это самое время возник еще один монастырь святого, на Желтых водах?

В Дрвелехранилище В. И. Малышева хранится рукопись середины XVIII в., явно унженского монастырского происхождения (кол. В. В. Лукьянова, № 51). В ней собраны различные письменные памятники о Макарии Желтоводском (службы, житие, несколько сказаний о различных событиях, имеющих отношение к Макарию).²² Среди них есть краткое

¹⁸ Там же. С. 31—32.

¹⁹ На счет сроков пребывания царя в монастыре в исторических источниках существует некоторое разногласие. В письме царя к патриарху Филарету от 30 сентября датой прибытия в монастырь названо 29 сентября, об отъезде сообщается в том же письме: «. . . а из монастыря пойдем октября в 1 день» (те же даты в письме инокини Марфы — см.: Письма русских государей. . . С. 46—48). А в написанной после 1670 г. «Истории вкратце о пришествии великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича. . . во святую и чудотворную Унженскую обитель. . .» говорится, что царь пришел в Унженский монастырь «месяца октоврия в 2 день к вечеру; а праздновал святому чудотворцу Макарию октоврия в четвертом числе» (ИРЛИ, Дрвелехранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 350—352 об.).

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 17; см.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 563 и др.

²¹ ИРЛИ, Дрвелехранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 353 об.

²² ИРЛИ, Дрвелехранилище, кол. Лукьянова, № 51 (20-е гг. XVIII в.), 4°. 357 л. Содерж.: л. 1—3 — Оглавление; л. 4—66 об. — «Месяца июлиа в 25 день служба преподобному отцу нашему Макарию, унжескому чудотворцу»; л. 67—145 об. — «Месяца июлиа в 25 день житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа Желтоводскаго, унжескаго чудотворца», нач.: «Что убо похвала благоверию. . .» (пространная редакция); л. 145 об.—155 об. — «По житии преподобнаго отца Макариа слово похвальное прочитаемо на память честнаго преставления его», нач.: «Верен есть Господь Бог и праведен и милостив. . .»; л. 155 об.—278 об. — «О чудесех преподобнаго отца Макариа, еже быша по успении его», нач.: «Блаженства тезоименитому по блаженней кончине его достоит блаженное рещи слово. . .»; л. 278 об.—282 об. без загл.: краткое сказание о поддержании Унженского монастыря царем Федором Иоанновичем в 1596 г. и о приходе в монастырь в 1619 г. царя Михаила Федоровича, нач.: «Сего великаго российскаго чудотворца, святаго Макариа, преславная чудодействия от честных мощей его бываемая слыша иногда во время дней царствия своего благочестивый государь царь и великий князь Федор Иоаннович»; л. 282 об.—291 об. — «Сказание, како пренягия Желтоводская преподобнаго отца нашего Макариа обитель обновися явлением его», нач.: «О Желтоводстей убо обители, яже в пределах Нижнегоу Новаграда близ великия реки Волги, довольно в житии великаго чудотворца, святаго Макариа, поведано бысть. . .»; л. 291 об.—324 — «Сказание о обретении честных мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «В лето 7171-е при бохранимй державе благочестивейшаго великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича. . . начаша в монастыре сем строити каменное строение. . .»; л. 324 об.—344 об. — «Сказание о чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа, унжескаго чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время, внегда поущением Божиим Российская земля страдала от нахождения безбожных ляхов, и о богодвижимом приходе в пречестную преподобнаго отца обитель великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея России самодержца, нач.: «Дивен Бог во святых своих, — благоприятно есть ныне рещи. . .»; л. 345—346 об. — «Пристижение. От русских

сказание о поддержании Унженского монастыря царем Федором Иоанновичем в 1596 г. и о приходе в монастырь в 1619 г. царя Михаила Федоровича, где между прочего говорится о том, что сюда, в монастырь, еще до избрания Михаила Федоровича на царство, приходила молиться «из Костромских предел, из отчины своя» инокиня Марфа Ивановна с сыном своим отроком Михаилом.²³ В другом сказании из этого же сборника — о чудесах преподобного в Юрьевце Повольском и о приходе в Унженскую обитель в 1619 г. царя Михаила Федоровича — также говорится о том, что Михаил, «егда крыся от безбожных ляхов в пределех Костромских», молился в Унженском монастыре «о родителе своем, чудном архиереи Филарете, удержанном в Польше в плене, яко да облобыжет святые его седины».²⁴ Оба сказания известны пока в единственном, Лукьяновском, списке. По другим источникам, хождение царя на Унжу из Костромы неизвестно.

Ходили или нет сын с матерью молиться к Макарию об освобождении из плена Филарета Никитича или это им только приписывается местным преданием, — в любом случае причина существования такого предания коренится в том обстоятельстве, что особой чудодейственной способностью Макария Желтоводского считается покровительство пленным. Из его Жития известно, что он сам побывал в плену и вывел оттуда на Унжу много народа. Кроме того, одно из самых ранних посмертных его чудес связано со спасением уведенной в татарский полон некоей «благовидной» жены Марии.²⁵ Понятно, почему сразу же по возвращении Филарета Никитича из польского плена Романовы отправились на поклонение святому — освободителю пленных.

Но существовала еще одна причина, заставившая Романовых обратиться к этому святому. Оказывается, Макарий Желтоводский был покровителем нижегородского ополчения.

В нижегородских землях имя Макария Желтоводского, кроме Унженского и Желтоводского монастырей, носили следующие обители: уже упоминавшаяся Луховская пустынь на р. Лух, о ее основании самим Макарием говорится в его житии; пустынь под г. Свяжском, неизвестно когда основанная, в житии не упоминается; по преданию, она устроена Макарием при возвращении из татарского плена (просуществовала до XIX в.); пустынь под Городцом на р. Мологе, неизвестно когда основанная, существовала уже в 1584 г., в 1615 г. по грамоте царя Михаила Федоровича она приписана к Троице-Сергиевой лавре; монастырь на р. Немде близ деревни Коряковской, основан сразу же после Смуты в честь победы в 1609 г. над войсками Лисовского (упразднен в 1708 г.); монастырь близ села Пурех, тоже основан в честь победы 1609 г. над Лисовским (упразд-

летописцов», нач.: «А яко прославна яже под градом Юрьевцом Поволским на литовских людей победа баше и молитвами преподобнаго отца Макария содеяся, изъявляют о том мнози российстии летописцы. . .»; л. 346 об.—348 — без загл., нач.: «Лета 7188-го году, месяца мая в 16 день на память преподобнаго отца нашего Феодора Освященнаго, в день недельный, в четвертый на десять час дне бысть посещение Божие и знамение небесное во обители святых живоначальных Троицы. . .» (о ударившей в храм молнии и чудесно не повредившей его); л. 348 об.—354 — «История вкратце о пришествии великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея России самодержца во святую и чудотворную унжескую обитель преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «В лето от сотворения мира 7128-е. . . великий государь царь и великий князь Михаил Федорович. . . приходил по своему царскому обещанию во святую сию и чудотворную Унжескую обитель. . .»; л. 354 об.—356 — «Последование древняго обычая святых обители Унжеския о чудотворном кладязе преподобнаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «Егда кто от болящих каковым любо недугом востребует пити святые сея от кладязя святаго Макария воды. . .»

²³ Там же. Л. 280.

²⁴ Там же. Л. 338 об.—339 об.

²⁵ Макарий, явившийся Марии в видении, провел ее невидимо для татар через все их станы и вернул на родину. См.: ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, л. 24—26 об.

нен в первой четверти XVIII в.); пустынь при деревне Решме, основана тоже в честь освобождения от поляков в 1609 г. (просуществовала до XIX в.). Всего шесть монастырей.²⁶ Знаменательно, что три из них основаны в честь побед над поляками в Смутное время.

В «Новом летописце», созданном под наблюдением патриарха Филарета около 1630 г.,²⁷ о событиях 1609 г. под Нижним Новгородом рассказывается так. Когда сюда пришло воинство Лисовского, то по городам и волостям нижегородской земли стали собираться «черные люди»: в Юрьевце Повольском — во главе с сытником Федором Красным, на Решме — с крестьянином Гришкою Лапшою, на Балахне — с Иваном Кувшинниковым, в Городце — с Федькою Нагавицыным, на Холуе — с Илейкой Деньгиным. Соединившись, они пошли в Лух и там «литовских людей побили». Вскоре в Нижний пришел отряд русских ратных людей под водительством Федора Ивановича Шереметева. И «прииде весть в Нижней, что из Суздаля идет Лисовский с литовскими людьми и с русскими воры за Волгу, воевать Костромских, и Галицких, и Унженских мест, и Юрьевских. И посла Федор Иванович на них судами; и сошли их под Юрьевцом Поволским на острову, и побиа их на голову».²⁸ В упоминавшемся же «Сказании о чудесах преподобнаго. . . во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время. . . нахождения безбожных ляхов. . .» из сборника Лукьянова эти же события с более близкого расстояния освещаются таким образом: «Тогда же и град Юрьевец Поволской велию тесноту от безбожных ляхов прияше. . . Баше бо воюяй град сей некто воевода, Лисовский нарччем, со многим воинством. . . Тогда мнози от граждан . . . оставльше дома своя, за реку Волгу перевезшеса, в леса. . . отбегше, вселишася. . . И сущим им в бегстве, согласшася окрестных весей, именуемых Елнатския и Березниковския, с земледельцы и начаша молити. . . о избавлении от окаяннаго того схизматика. В помощь же призывающе новаго чудотворца, преподобнаго отца Макария Унженского. . . и обещашася ему во граде Юрьевце и предреченных весех во имя его церкви воздвигнути. . . И егда выше града на остров, рекомый Момшин, они окаяннии ляхи перевезшеса. . . и оттуду хотяще. . . прехещати чрез обон пол Волги в весь, именуемую Коряковскую. . . тогда Коряковстии жители. . . на брег реки Волги вси собравшеса, брань противу врагов творяху. . . И обещашася тогда вси онии коряковстии жители монастырь воздвигнути во имя преподобнаго. . . И абие в то время. . . воеводы православнороссийстии, нашедше на оных окаянных ляхов, стоящих на острове, помощию Божию и молитвами преподобнаго Макария до конца их разориша и победиша. И тако коряковстии жители избавльшася молитвами преподобнаго Макария от окаянных ляхов. . . В то же время. . . и в пределех града Суждаля и Нижняго Новграда, в селех, именуемых Решме и Пурихе. . . тамошнии поселяне велию тесноту и озлобление от безбожных ляхов страдаху. . . Книждо со своим селе. . . на моление. . . чюдному Макарию Унженскому обратшася, дабы им избавитися от душегубных еретиков. И обещашася во своих селех монастыри чудотворцу Макарию воздвигнути. И яко сия они обещаньми своими предложиша. . . по сем вскоре. . . от российскаго воинства, ово из Юрьевца, ово из Нижняго нашедшаго, противнии низложени быша».²⁹ Далее говорится о том, как после прекращения Смуты, когда «вси. . . православнии людие, вместо страха в безстрашие и радость вшедши, храмы святыя. . . обновляху ово же ново созидаху», жители Юрьевца «со-

²⁶ См.: Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 201, № 916; С. 202, № 917; СПб., 1897. Т. 3. С. 90, № 1724, 1725; С. 91, № 1727, 1728, 1729.

²⁷ См.: Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII в. // Ист. зап. 1945. № 14. С. 81—128.

²⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 86—89.

²⁹ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 328—337.

вокупльшися со окрестных весей жителями, молитвенныя храмы преподобному Макарию вскоре — во граде убо в монастыре Богоявления Господня, в весех же в Елнатской на реце Лозореве, в Березнитской на реке Сегати — возградиша». А крестьяне деревни Коряковской «близ реки Немды преподобнаго отца Макария монастырь возградиша, в немже церковь и келии устроиша и игумена и братию собраша и довольство по возможному определиша». Так же в селах Решме и Пурихе «монастыри же тамошнии жители богоносному Макарию соградиша».³⁰

И по официальному «Новому летописцу», и по провинциальному уженскому Сказанию видно, как велика была общественная активность нижегородцев во время Смуты. Местная инициатива «черных людей», поднявшихся по собственному почину на борьбу, имела широкий размах. Ею были охвачены жители и Юрьевца Повольского, и Городца, и Балахны, и Холуя, деревень Решма, Пурех, Коряковская, Елнатская и Березниковская.

Покровителем своих вооруженных выступлений против поляков нижегородцы избрали Макария Желтоводского.

Любопытно отметить, что фигурирующее в уженском сказании село Пурех принадлежало не кому иному, как князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, главе второго нижегородского ополчения. Это было его поместье, пожалованное ему после 1613 г. в родовую вотчину.³¹ В деловых документах XVII в. пурехский монастырь в честь Макария прямо называется построением князя Пожарского: «Да что боярин Дмитрей Михайлович Пожарский на своей вотчинной земле поставил монастырь и дал на пропитание из своей же вотчинной земли»;³² «. . . и в той де Пурецкой волости боярина князя Дмитрея Михайловича по обещанию строен монастырь Макария, Желтоводского чудотворца. . .»³³ В начале XIX в. в трапезной пурешской приходской церкви, в прошлом монастырской, хранилась хоругвь, с которой, по преданию, Д. М. Пожарский ходил на освобождение Московского государства от поляков. В 1827 г. она была поднесена тогдашней помещицей Пуреха Николаю I и с тех пор находится в Оружейной палате.³⁴

Исторический материал убеждает в том, что вся нижегородская земля, от крестьянина до князя, считала Макария Желтоводского патроном своего ополчения. И надо думать, что именно этим обстоятельством по преимуществу объясняется то особое внимание, с которым отнеслись к святому Макарию патриарх Филарет и царь Михаил Федорович, так многим обязанные нижегородскому ополчению.

Вернемся к Желтоводскому монастырю. Когда строитель Авраамий пришел в 1620 г. на Желтые Воды, ему в создании монастыря очень сильно помогли жители села Лыскова. Они, как рассказывает Сказание об обновлении монастыря, «множеством народа на Желтыя воды приидоша. . . и от своего усердия насокоша древес довольно к созданию церковному. . . Великия дресва. . . на рамах своих преносиша».³⁵ Описанная здесь сцена напоминает процитированный выше рассказ о «возграждении» Макарьев-

³⁰ Там же. Л. 337—338.

³¹ См.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4, отд. 1. С. 1—47.

³² Выписка из писцовых книг о землях, входивших в XVII в. в состав Пурешской волости (см.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. С. 40).

³³ Из справки о получении пошлин за монастырских крестьян, выделенных вдове и детям Д. М. Пожарского (см.: Нижний Новгород в XVIII веке: Сборник документов / Под ред. С. И. Архангельского. Горький, 1961. С. 103).

³⁴ См.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. С. 41; Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. С. 51—53.

³⁵ ГИМ, собр. Уварова, № 1197. 398. 10б, л. 77—77 об.

ского монастыря в деревне Коряковской, когда крестьяне сами создали монастырь, «церков и келии устроиша» и даже «игумена и братию собраша». Крестьяне не выжидают отшельника, поселившегося поблизости от их жилищ, а сами помогают строить монастырь и даже, как это было с коряковцами, собирают в него братию. Такое поведение было продолжением той бурной народной инициативы, которая прорвалась в 1609 г., проявлением того захватившего после Смуты русских людей мироощущения, которое унженский автор определил как «вместо страха в бесстрашие и радость вшествие».

Отец и сын Романовы не могли не считаться с этой тягой к обновлению. Они сами к нему стремились как вновь воцарившиеся, как новая династия. Идею о приведении страны к порядку, благоденствию и обновлению после смуты и беспорядка сделали они своим политическим знаменем.

При том демонстративном внимании, с которым отнеслись Романовы к нижегородскому святому, нет ничего удивительного в том, что центром проявления новых веяний стал Макариев монастырь. Кажется, вокруг Макариева Желтоводского монастыря стала формироваться партия сторонников новолюбческой программы Романовых. Следует обратить внимание на одну фразу из Сказания об обновлении монастыря. Рассказав о развернувшемся здесь в начале 40-х гг. бурном каменном строительстве и о том, как при этом «юнеет и распространяется» обитель, автор продолжает: «И сего ради от многих стран прихождаху монаси и мирстии и моляше настоятеля, да повелит им своими руками во обители у чудотворца Макария от своего усердия потруджтися».³⁶ В этом прихождении «от многих стран» людей со стороны (в том числе мирян) ради участия в новостройке чувствуется какая-то общественная кампания, которая, по всей вероятности, началась гораздо раньше 40-х гг. Особой поддержкой правительства Желтоводский монастырь стал пользоваться с самого начала. Дело в том, что, как проговорился автор еще одного Сказания из Лукьяновского сборника, Унженским монастырем царь Михаил в 1619 г. остался недоволен из-за какого-то «шатания» в братии.³⁷ Строитель Авраамий, пришедший в Москву с прошением о Желтоводском монастыре, тут же получил на свое дело «от царя повеление и от святейшаго патриарха благословение».³⁸ А в 1628 г. патриарх Филарет заявил о своем особом покровительстве Желтоводскому монастырю жалованной несудимой грамотой.³⁹

Но кто же были эти «монаси и мирстии», приходившие «от многих стран» в Макариев Желтоводский монастырь? Не Иван ли Неронов, Стефан Воныфатьев, протопоп Аввакум, Иларион Рязанский?

Иван Неронов жил в Лысково у священника Анании, как можно считать по его житию, в первой половине 20-х гг.⁴⁰ А в Лысково он при-

³⁶ Там же. Л. 78 об.

³⁷ См. «Сказание о обретеннии честных мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унженскаго чудотворца» // ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 300—301. Царь, оказывается, в памятный приезд 1619 г. сначала даровал Унженской обители во владение около пятидесяти сел, расположенных по реке Унже, но внезапно, перед тем как отправиться в Москву, отобрал их все назад, чем-то рассерженный (см.: Там же. Л. 300).

³⁸ Там же. Л. 290 об. («Сказание, како прежняя Желтоводская преподобнаго отца нашего Макария обитель обновися явлением его»).

³⁹ Жалованная несудимая грамота патриарха Филарета Макарьеву Желтоводскому монастырю, 10 июня 1628 г. // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. Смесь. С. 10—12.

⁴⁰ По сообщению жития, в Лысково Иван Неронов переселился после того, как дважды ходил в Москву к патриарху Филарету из села Никольское-Соболево, причем говорится, что второй его поход в Москву произошел через год после первого. Следовательно, в Никольском-Соболеве он проживал после 1619 г. (года возведения Филарета в патриархи) и самое меньшее — в течение одного-двух лет. Затем он переехал в Лысково к священнику Анании и некоторое время жил у него. «По довольном же прожитии» в Лысково он переселился в Нижний Новгород, где нашел заброшенную церковь Воскресения, у которой и стал проповедовать. Какие-то годы ушли на восстановление церкви (на средства «милостивого мужа» Саввы), устройство вокруг нее

шел, по тому же житию, из села Никольского-Соболева «пределов» Юрьевца Повольского.⁴¹ Село Никольское-Соболево находится в такой же близости от Юрьевца Повольского, как село Лысково — от Макарьева Желтоводского монастыря.⁴² А Юрьевец Повольский, как мы убедились, тоже был центром культа Макария (в честь Макария в городе стоял храм, а в подгородной деревне Коряковской — монастырь), и Унженская обитель, расположенная в 70 верстах, неизменно включала этот город в сферу своего влияния, что хорошо видно из содержания различных литературных памятников, помещенных в унженском сборнике из кол. Лукьянова, № 51. Значит, Иван Неронов перешел от одного места почитания Макария к другому в то же самое время, когда свое внимание от Унженского монастыря на Желтоводский перенес и царь Михаил Федорович. Вряд ли такое совпадение можно считать случайным. Притом нам известно, что род Ивана Неронова записан в Синодик Макариева Желтоводского монастыря.⁴³

Род Стефана Вонифатьева, о биографии которого до его протопопства при Благовещенском на царском Верху соборе (т. е. до 1645 г.⁴⁴) не сохранилось никаких документальных материалов, тоже записан в Желтоводском Синодике.⁴⁵

О связи протопопа Аввакума с Макариевым монастырем и Лысковым уже говорилось. Следует обратить еще внимание и на то, что Аввакум был родом из тех мест, где жила строитель Авраамий (от села Мурашкина родина Аввакума — село Григорово — удалено лишь на 8 верст). И о протоиерействе Аввакума в Юрьевце Повольском также следует помнить в связи с темой особого почитания Макария.

Постриженником Макариева Желтоводского монастыря, а затем его игуменом с 1649 по 1656 г. был Иларион Рязанский.⁴⁶

Симеон, архиепископ Тобольский и Сибирский, у которого Аввакум находил защиту в Сибири, тоже был постриженником Желтоводского монастыря (и, стало быть, очень вероятно, старым знакомцем протопопа).⁴⁷

келий женского монастыря. Став популярным в Нижнем Новгороде через учительную деятельность и обличение пороков народа и духовенства, Иван Неронов в эти годы хаживал в Москву и бывал благосклонно принят у патриарха Филарета. После этого «по неколихъ же летех» он заслужил опалу свыше и был сослан на два года в Никольский Корельский монастырь (см. житие Ивана Неронова: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 250—270). Известна дата грамоты о ссылке Ивана Неронова: 31 января 1632 г. (см.: ААЭ. СПб., 1836, № 198. С. 284—285 — патриаршая грамота в Корельский Никольский монастырь об отправке туда попа Ивана [Неронова] на покаяние за его гордость и смуту). Таким образом, если между приходом в Лысково в 1632 г. уместилось несколько лет жизни в Лыскове и еще несколько лет — в Нижнем Новгороде, значит, в Лысково Иван Неронов должен был прийти в первой половине 20-х гг., а в Село Никольское-Соболево — в самом их начале.

⁴¹ Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 250.

⁴² См.: Список населенных мест по сведениям 1870—72 годов / Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1877. Т. 18: Костромская губерния, № 11523.

⁴³ См.: Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 169, примеч. 6.

⁴⁴ Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914. С. 253.

⁴⁵ См.: Белокуров С. Арсений Суханов. С. 170, примеч. 7.

⁴⁶ См.: Доброторский С. Описание нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря (отд. оттиск из «Нижегородских губернских ведомостей»). 1849. № 28—43. С. 81; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 613.

⁴⁷ В течение всей своей дальнейшей жизни оба архиепископа продолжали проявлять внимание к Макариеву монастырю, вести себя как его питомцы. Когда Иларион Рязанский в 1673 г. удалился на покой, он пожелал вернуться в Желтоводский монастырь (см.: Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 135—136, 141—142). А перед этим, еще в 1665 г., для него и для Симеона, архиепископа Сибирского, строили в Желтоводском монастыре «двой светлицы брусовыя» (этот факт, как и то, что оба архиепископа были духовными детьми патриарха Никона (интересно было бы знать, в какие времена возникло это духовное родство — не в лысковские ли?), известен нам по записке подьяка Федора Трофимова о винах патриарха Никона, опубликованной в Материалах для истории раскола, т. 4.

Кто еще бывал в Макариеве, мы пока не знаем. А ведь сказание говорит, что приходили энтузиасты «от многих стран». Может быть, среди них были и знатные люди, москвичи? ⁴⁸

В чем заключалась новизна культурной позиции кружка Ивана Неронова и Стефана Вонифатьева, подробно показано в книге А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». ⁴⁹ Мы знаем, что основными направлениями деятельности кружка были: насаждение публичной проповеди (публичное учительство), борьба за поднятие общественной активности в среде духовенства, борьба за одерковление быта, борьба со скomorшеством, с пьянством, борьба за единоголосие. ⁵⁰

А. М. Панченко показал, почему такая программа деятельности «ревнителей» представлялась другой части русского общества «ересью новой». ⁵¹ Для нашей темы важно обратить внимание на то, что отдельные элементы этой программы зародились при участии и, возможно, под влиянием нового правительства Романовых.

Когда в 1619 г. Унженский монастырь попал в немилость к царю Михаилу Федоровичу, это случилось из-за того, что «огорчиша его монаси монастыря сего, во время бытия его царскаго на игумена своего ему. . . несправедно понос деующий и горше мирских, оставльше монашества путь, устремление во обличении показавший». ⁵² Очень похоже, что это «горше мирских» относится к пьянству монахов. Царь, значит, первым в макариевских местах проявил то благочестивое рвение, которым в скором времени стал отличаться здесь Иван Неронов.

Когда неукротимый молодой Иван Неронов, еще не имея сана священства, будучи чтецом и певцом при церкви того села Никольского-Соболева, которое располагалось неподалеку от Юрьевца Повольского, стал обличать «перев веси той» в пьянстве и «многом безчинстве», то духовенство того села и мирские люди послали на него жалобу (некое «писание») к патриарху Филарету. Тогда сам Иван тоже обратился к патриарху, очевидно, имея основания надеяться на его помощь в таком деле. Он сделал это через Дионисия Зобниновского: пришел к нему в Троице-Сергиеву лавру, изложил свое дело, а Дионисий, познакомившись с молодым «ревнителем» из пределов Юрьевца Повольского, отослал его со своим рекомендательным «писанием» к патриарху. Дело кончилось тем, что патриарх Филарет не только не внял жалобе никольских жителей, но самолично посвятил Ивана Неронова в дьяконский чин и дал ему какое-то письмо, позволявшее действовать в прежнем духе. Иван вернулся домой с сознанием такой поддержки сверху, что стал, будучи лишь дьяконом, совершать здесь следующие поступки: «. . . егда иереи они прихождаху в церковь пиани, тогда Иоанн властью, от архиереа ему повеленною, отторгаше их от святаго олтаря и вон из церкви извождаше. . . И един

С. 295). Когда патриарху Иоакиму потребовалось в 1675 г. свидетельствовать незадолго перед этим проявившиеся в Унженской обители мощи Макария, он уполномочил заняться этим делом Симеона Сибирского, жившего тогда на покое в Желтоводском монастыре (Х е р с о н с к и й И. К. Летопись Макариево-Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1888. С. 89). Симеон вел дело, руководствуясь чувством традиционно сложившегося соперничества между Унженским и Желтоводским монастырями, и решил его «в пользу» Желтоводского монастыря: обнаруженные мощи не были признаны Макариевыми, их снова захоронили на прежнем месте (см.: «Сказание о обретении честных мощей преподобнаго и богопоснаго отца нашего Макария, желтоводского и унженского чудотворца» // ИРЛИ, кол. Лукьянова, № 51, л. 303—315).

⁴⁸ Интересно было бы узнать подробности о нижегородских связях Павла Коломенского, но, к сожалению, ничего, кроме упоминания о его свойстве с Иларионом Суздальским, нам неизвестно.

⁴⁹ П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 24—36, 108—112.

⁵⁰ К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. . . С. 105—141.

⁵¹ См.: П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 24—36, 108—112.

⁵² ИРЛИ, Древлекранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 301.

пояше в церкви и поучаше народ» (будучи дьяконом!). Через год Иван в Москве был посвящен патриархом в иереи.⁵³ По расчетам, это были первые годы после возвращения Филарета Никитича из польского плена.⁵⁴

Известны многочисленные грамоты и указы царя и патриарха, направленные против пьянства.⁵⁵

В отношении борьбы со скomorошеством московское правительство и «ревнители» тоже находили понимание друг у друга.⁵⁶ Трудно сказать, была ли инициатива «ревнителей» здесь первенствующей, во всяком случае, обращаясь за поддержкой к правительству, они были уверены в своем единомыслии с ним.⁵⁷

Кружок «ревнителей благочестия» можно назвать как «макариевским», так и «романовским». С воцарением Алексея Михайловича последняя черта сделалась особенно наглядной.⁵⁸

Но исходной чертой во всем этом движении новолюбцев была его связь с такой общественной силой, как нижегородское ополчение. В начале 50-х гг. XVII в. «ревнителей благочестия» прозвали в Москве и других городах «казанцами». Об этом нам оставил свидетельство Адам Олеарий.⁵⁹ При царе Алексее Михайловиче Казанский собор в Москве был центром новолюбчасского движения. Здесь протоиерействовал Иван Неронов, здесь говорил он свои проповеди и вывешивал поучения вокруг церкви. Сюда приходили провинциальные «ревнители», когда бурные перипетии их приходской деятельности приводили их в Москву за поддержкой. Здесь подвизался в 1652—1653 гг. протопоп Аввакум («у Казанские тое держался, чел народу книги»), перед тем как был схвачен в «сушиле» и отправлен в сибирскую ссылку. Сюда хаживал и царь Алексей Михайлович с царцей слушать проповеди. Единогласное пение, отстаивание которого составляло один из основных пунктов программы деятельности «ревнителей», поначалу смогло быть введено только в Казанском соборе.⁶⁰ А ведь это

⁵³ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 250—255.

⁵⁴ См. примеч. 40.

⁵⁵ С л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 320—321.

⁵⁶ Общеизвестен рассказ Жития протопопа Аввакума о его столкновении в селе Лопатицы со скomorохами, когда он у них «хари и бубны иломал на поле едии у многих и медвейд двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле» (РИБ. Т. 39. Стб. 11). Не раз обращалось внимание и на деятельность Ивана Неронова против народных игрищ, в молодые годы — в Вологде, затем — в Нижнем Новгороде (см.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 246—248, 260). Акты правительственной борьбы со скomorошеством, народными играми и «глумными» правами во времена царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича подвергались рассмотрению в работах многих исследователей (см.: К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. С. 121—125; Б е л к и н А. А. Русские скomorохи. М., 1975. С. 73—98; У с п е н с к и й Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // *Studia slavica Akademiae scientiarum hungaricae*. Т. 29. Budapest, 1983. С. 38—39).

⁵⁷ Как, например, в случае с известной челобитной 1636 г. нижегородских попов во главе с Иваном Нероновым, обличающей местные народные праздничные обычаи и упадок пастырской активности духовенства. Челобитчики обличали, обращая внимание патриарха на то, что их движение является встречным по отношению к позиции власти: «Которые от вас к нам грамоты приходят о исправлении христианства и в наше, государь, наказание. . . к нашему воздержанию и трезвости, — и протопопы, государь. . . по вашему государеву наказанию от пьянства удалиться и от всякого безчинства не возбраняют» (Р о ж д е с т в е н с к и й Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // *ЧОИДР*. М., 1902. Кн. 2, отд. IV (Смесь). С. 1—31).

⁵⁸ См.: К а п т е р е в Н. Ф. 1) Патриарх Никон и его противники. С. 105—168;

2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 1—105.

⁵⁹ О л е а р и й А д а м. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод и примечания А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 312.

⁶⁰ К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. С. 115—117, 138, 162.

был храм, воздвигнутый в 1626—1630 гг. иждивением князя Д. М. Пожарского.⁶¹ Д. М. Пожарский перенес сюда из своей приходской церкви Введения на Лубянке образ Казанской Божьей Матери, носимый в войске нижегородского ополчения при его освободительном пути в Москву. Казанская икона Богородицы по окончании Смуты была официально признана помощницею в деле освобождения Москвы от поляков; в честь этого события был учрежден особый праздник образа Казанской Богородицы — 22 октября.⁶²

Снова мы убеждаемся в явной ориентации новолюбцев на общественные круги, связанные с нижегородским ополчением.

⁶¹ С ы т и н П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1950. Т. 1. С. 92.

⁶² См.: Новый летописец (ПСРЛ. Т. 14. С. 132—133); Д м и т р и е в с к и й А. В честь какой иконы Казанской Божьей Матери установлен праздник 22 октября // Тр. Киев. духов. акад. 1905, февр. С. 188—219; Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. Т. 11: Действия нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1912. С. 341—345.